

Наталья Ивановна Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Новосибирск, Россия
e-mail: nmartishina@yandex.ru

Приметы как форма сохранения и воспроизводства мифологического мышления

Аннотация. Представление о мифологии как универсальном основании культуры, не ушедшем в прошлое вместе с архаикой, а существующем в многообразных проявлениях и сегодня, определяет сохраняющуюся актуальность осмысления того, каким образом мифологическое мышление воспроизводится и распространяется, осваивая всё новые культурные реалии. По мнению автора, одним из каналов, через которые это происходит, являются приметы. Чаще всего приметы рассматриваются как часть фольклора, но эпистемологический анализ обнаруживает в них системообразующие принципы мифологического мышления: символически-образное отображение реальности, синкретизм, антропоморфизм, однозначная определенность причинно-следственных связей. Приметы играют существенную психокompенсаторную роль в человеческой деятельности, а потому устойчиво возобновляются в культуре, распространяются на новые артефакты и формы деятельности и тем самым вносят свой вклад в сохранение в человеческом мышлении своеобразной логики мифа, мифологической матрицы осмысления происходящих событий и мира в целом.

Ключевые слова: миф, мифологическое мышление, логика мифа, современная мифология, приметы и суеверия в современной культуре.

Natalya I. Martishina

Siberian Transport University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Novosibirsk, Russia
e-mail: nmartishina@yandex.ru

Signs as a Form of Preservation and Reproduction of Mythological Thinking

Abstract. The idea of mythology as a universal foundation of culture, which has not gone into the past along with the archaic, but exists in diverse manifestations today, determines the continuing relevance of understanding how mythological thinking is reproduced and spread, mastering new cultural realities. According to the author, one of the channels through which this happens are signs. Most often signs are considered as a part of folklore, but epistemological analysis reveals in them the system-forming principles of mythological thinking: symbolic-figurative reflection of reality, syncretism, anthropomorphism, unambiguous certainty of cause-and-effect relationships. Signs play a significant psychocompensatory role in human activity, and therefore are steadily renewed in culture, spread to new artifacts and forms of activity, and thus contribute to the preservation in human thinking of the unique logic of myth, the mythological matrix of understanding current events and the world as a whole.

Keywords: myth, mythological thinking, logic of myth, modern mythology, signs and superstitions in modern culture.

Введение (Introduction)

Своеобразной научной революцией в теоретических исследованиях мифологии в свое время стало осознание того, что миф представляет собой не только форму архаичного мышления в виде собрания созданных на заре культуры сказаний о деяниях богов и героев, которыми древние люди заполняли лакуны в своем миропонимании; что миф вездесущ и крайне многообразен в своих проявлениях, и, сформировав культуру, он отнюдь из нее не исчез, а превратился в ее субстанциальное основание, которое

обнаруживается и сегодня в любой социальной и культурной практике, и в конечном счете всё, что создано в наше время, заслуживает того, чтобы называться мифом [1, с. 7]. Э. Кассирер — один из многих теоретиков, считавших утверждение, что мы живем в мифе, вовсе не преувеличением, — написал по этому поводу: атавизм — это исключение; миф — не исключение, и, следовательно, не атавизм [2, с. 154]. Миф — универсальное основание, которое не преодолевается в развитии культуры, а трансформируется вместе с ней, сохраняя свою сущность и качественно-

© Мартишина Н. И., 2024

Для цитирования: Мартишина Н. И. Приметы как форма сохранения и воспроизводства мифологического мышления // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 41–46.
DOI: 10.36809/2309-9380-2024-44-41-46

определяющие свойства. Миф воспроизводится в культуре различными способами; некоторые из них очевидны и заметны, как художественное оформление знаменитых мифов прошлого, другие скрыты и неявно структурируют наше мышление, закладывая в него каноны мифологии. Одному из таких не всегда рефлекслируемых, но действительных каналов формирования мифологической составляющей мышления и мировоззрения современного человека и, соответственно, самовоспроизводства мифа в культуре нашего времени посвящена данная статья.

Методы (Methods)

Приметы чаще всего изучаются в контексте фольклористики и лингвистики как малая форма фольклора, а также с позиций культурной антропологии и этнографии в качестве составляющей культурных практик. Методологический замысел данного исследования состоит в использовании эпистемологического подхода, акцентирующего внимание на логико-методологических характеристиках примет и позволяющего тем самым осуществить их идентификацию в качестве варианта реализации одного из базовых видов познания.

Общим методологическим основанием исследования является, таким образом, философское представление о познании как совокупности различных видов, способов и форм осуществления познавательной деятельности. В рамках этой концепции выделяются основные виды познания [3, с. 11]: обыденное, предметно-практическое, религиозное, художественное, философское, научное — которые отличаются друг от друга, во-первых, по предметной направленности (например, философское познание изначально предназначено для решения метафизических, т. е. лежащих за пределами физики, вопросов); во-вторых, по фундаментальным постулатам, которые в их собственных границах недоказуемы, поскольку как раз и создают возможность данного способа осмысления мира (например, наука исходит из идеи организованности мироздания всеобщими закономерностями); в-третьих, в каждом из видов познания существует и развивается собственная система логики, активно используя одни приемы из общего логического инструментария, отодвигая на периферию другие и создавая собственные модификации третьих (например, аналогия составляет основу художественного познания, не считается допустимым приемом обоснования в науке и принимает форму прямого отождествления в мифологии). В результате в данном подходе познание предстает в виде совокупности функционирующих параллельно различных и до некоторой степени альтернативных логических схем, которые осознанно и неосознанно выбираются применительно к познавательным задачам. Универсальность мифа проявляется, в частности, в неискоренимости даже в современном мышлении его логических схем и в их способности абсорбировать, собирать на себя иные логические схемы.

Литературный обзор (Literature Review)

В фольклористике, антропологии и этнографии к настоящему времени собран обширный фактический материал (представленный, например, в [4]), в котором зафиксиро-

вано огромное количество разнообразных примет [5], установлена их региональная и этническая принадлежность, выявлен ряд кросскультурных параллелей [6; 7], предложены разработанные варианты типологизации примет по календарному принципу, тематике, направленности и др. [8; 9], что дает возможность говорить о сформированности традиции эмпирических исследований в данной области. Для исследователей современного массового сознания представляют особый интерес разработки, посвященные бытованию примет и суеверий в сегодняшней культуре; среди них первоочередными для данного исследования являются источники, в которых не только фиксируются и соотносятся «старые» и «новые» приметы, но и целенаправленно реконструируются логические принципы их построения [10; 11; 12].

В отечественных философских исследованиях мифа как явления культуры и способа осуществления познавательной деятельности, в последние годы всё более концентрирующихся вокруг ежегодной международной конференции «Миф в истории, политике, культуре» и выросшего из нее журнала «Мифологос» [13], также представляется возможным констатировать достижение определенных результатов, в данном случае на теоретическом уровне: более или менее сложилось базовое определение эпистемической сущности мифа в виде представления о качественно-определяющих свойствах мифологического мышления. По-разному обозначая, иерархируя и группируя признаки, конституирующие миф, большинство авторов отмечают относительно инвариантный набор характеристик мифологического мышления: образно-символический характер, синкретичность, антропоморфизм [14; 15; 16], бинарная организация, ценностно-окрашенный и аксиологически-размерный способ отображения (включая способ именования) [17; 18; 19; 20], нарративность. Эти идеи нами рассматриваются как опорные для обсуждения вопроса о том, как приметы связаны с мифологическим мышлением и в какой мере они могут трактоваться как его производная.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Приметы существуют в культуре на всём протяжении ее развития и выступают неотъемлемой частью народного сознания. Русская языковая традиция закрепляет наиболее общее понимание примет — то, что *примечено* (т. е. подмечено, замечено) и, соответственно, может служить предвестником чего-либо, что за этим последует. В данном контексте примета трактуется в ее познавательном значении: уже наблюдаемое явление или происходящее событие предвещает, предсказывает некое иное явление или событие в будущем. Именно эта связь лежит в основе большинства определений: так, в формулировке Е. Е. Завьяловой сущность приметы в том, что она раскрывает «соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями» [8, с. 188].

В фольклористике приметы типологизируются разными способами, но одним из самых традиционных и неоспоримых вариантов является их деление, в частности, сформулированное в [6], на реалистические, основанные на данных постоянных наблюдений за природой, например в Сибири

установление снежного покрова произойдет ровно через месяц после первого снегопада, и связанные с мистическими представлениями о мире, например увидеть себя в осколках разбившегося зеркала — к несчастью. Приметы второго типа обозначаются как суеверные. В этом случае суеверие, т. е. то, во что верят всуе, без достаточных оснований, — родовой термин для примет и некоторых других рассуждений сходного типа, например гаданий или толкования сновидений [10, с. 196].

Распространенность примет, в том числе суеверных, в современной культуре заметно превышает ожидания, основанные на оценках их объективной оправданности. Приметы охватывают все ключевые события нашей жизни, от рождения до смерти, и все сферы деятельности. Свои приметы есть у водителей, актеров, студентов и школьников, спортсменов, медиков и т. д. Есть приметы, пришедшие из глубокой древности (плевали через левое плечо, отгоняя неприятности, еще древние римляне), модифицированные (например, вера в интернет-домового — «хомового», который, как и обычный домовый, проказничает, пряча файлы, и которого тоже нужно задабривать) и новые (например, риелтор, чтобы квартира стала привлекательнее для потенциальных покупателей, прячет в укромном уголке конфету). Типичное отношение современного человека к приметам, вероятно, выглядит примерно так, как было определено в очередном (тоже типичном) опросе студентов: все (100 %) знают приметы, помогающие хорошо сдать экзамен; 91 % из тех, кто знает приметы, в них верит; 88 % применяют их, обычно эпизодически и не всерьез, а просто «на всякий случай»; 93 % из тех, кто применяет, считают, что приметы помогают [21, с. 20]. Иными словами, люди не верят в приметы в полном смысле этого слова, относятся к ним с долей иронии, но при этом их *знают*, а часто и соблюдают (обычно небольшое количество по каким-то причинам приобретенных для них личную значимость) «для подстраховки». Если учесть, что некоторые суеверные приметы имеют и рациональный компонент (например, присесть перед дорогой полезно, чтобы собраться с мыслями, переключиться от суеты сборов на новый этап, хотя, конечно, ведущим является здесь символическое значение «укоренения» на месте, в доме), а психологический настрой и обретение уверенности, которое дают приметы — само по себе значимый фактор успеха, то эта картина становится еще более понятной: приметы выживают на любом витке трансформации культуры, успешно захватывают все новые ее реалии, например быстро обрастают приметами новые виды техники, и конца этому процессу в виде торжества исключительно рационального, научного подхода и жизненным событиям отнюдь не просматривается.

В этой связи обращает на себя внимание одно из следствий, вытекающих из концепции параллелизма видов познания: каждое познавательное явление транслирует и распространяет имманентную ему логику, определенный способ мышления. Изучая основы наук, например доказательство теорем планиметрии, мы усваиваем логику силлогизмов, закон достаточного основания, идею принудительной силы аргументации, даже если в чистом виде логические правила при этом не озвучиваются; знакомясь с религией, переключа-

чаемся на соответствующий способ рассуждения (либо не можем этого сделать, и тогда вера кажется нам нелогичной, неправильной). Приметы же транслируют в современном массовом сознании логику мифологического мышления; на наш взгляд, данный тезис может быть обоснован не только исторически, через выявление связи многих примет с магическими ритуалами, сформировавшимися в эпоху первичной мифологии, в дорелигиозный период, но и через содержательный анализ принципов построения примет.

Прежде всего следует указать на *символизм* как главное логическое основание примет: непосредственно доступный (происходящий) процесс в них рассматривается как представляющий и замещающий другой, как правило, более глобальный и значимый. В приметах используется символика чисел (неслучайно российские учащиеся всех поколений используют на удачу на экзамене денежные знаки с номиналом 5), символика цвета (нить-оберег обязательно должна быть красной), символика знака (число 4 в Китае несчастливое, потому что обозначающий его иероглиф читается почти так же, как «смерть», отличаясь лишь тоном) и, самое главное, общий принцип: один объект как воплощение другого объекта / общего класса. При этом, стандартно для мифа, в роли символа в приметах всегда выступает конкретный, чувственно-воспринимаемый объект. Это может быть предмет, сущность которого та же, что и у представляемого им класса: например, физическая преграда-разделитель символизирует барьер в социальном взаимодействии, поэтому через порог нельзя здороваться, разговаривать, передавать деньги, возвращать что-то и т. п. Также символом объекта или процесса может быть его небольшая часть: например, день или год воплощается в его первых часах — множество примет связано с тем, кто встретится первым и т. п., а жизненный путь в целом — в конкретном его текущем отрезке, поэтому путь молодоженов усыпают цветами, рисом, зерном как атрибутами благополучия. Символическим воплощением может стать и специально созданная ситуация: например, существует ряд вариаций примет, когда на что-то случайно оброненное (ключи от дома или машины, текст роли у актера, инструмент) надо быстро сесть, т. е. то, что выпущено из рук, из-под контроля, надо максимально надежно и оперативно вновь «подмять под себя» — как физически, так и метафорически. Во всех случаях логика одна и та же: общее полностью выражается и воплощается в особенном, конкретном, данном в образно-наглядной форме. Именно так работает миф.

Синкретичность мышления выражается в приметах, в частности, в сосуществовании диаметрально противоположных интерпретаций одних и тех же знаков. Чаще всего это относится к полюсам *бинарных оппозиций* (правое и левое, мужское и женское и др.). Например, счастливый билет на экзамене по разным версиям надо брать только правой или только левой рукой; встреча с кем-то гипотетически стоящим на границе с инобытием (беременная женщина, человек иной расы, представители некоторых профессий, таких как моряки) может быть как добрым, так и дурным знаком; удачное (легкое) начало (дня, суточного дежурства, объемной работы, дороги) может оказаться как хорошим предзнаменованием (всё пройдет так же гладко),

так и негативным (везение на этом и закончится). Последнее имеет аналогию также в приметах, запрещающих заранее говорить о том, что должно сбыться, выражать уверенность в результате: озвученное высказывание может как стать созданным прецедентом, гарантирующим воплощение, так и полностью исчерпать предоставленную судьбой возможность. Модификацией мифологического синкретизма можно считать и отождествление в приметах материального контакта и передачи в нём физических свойств с распространением менее осязаемых сущностей. Так, студенты считают хорошей приметой подержаться за уже сдавшего экзамен отличника или его зачетку, чтобы получить толлику удачи, хоккеист после забитой шайбы касается ладоней своих товарищей по команде, а водители опасаются, что запчасти от битой машины могут заразить автомобиль склонностью и авариям.

Наконец, существует ряд примет, явно основанных на *антропоморфном* представлении о мире. Например, это обращение к той же машине, компьютеру, сложному инструменту как к живому существу с просьбой не вредничать, потерпеть, помочь, с обещанием вознаграждения. Более явный вариант — непосредственное обращение к духам, населяющим мир (здесь напрямую работает принцип «Мир полон богов и духов», базовый для мифологического мышления). Когда студент призывает Халюву (а затем закрывает ее в зачетке, которую теперь следует открыть уже только на экзамене, и примораживает в холодильнике) или счастливые новоселы замечают следы в старом доме и перевозят домового на венике, грань между приметами и аутентичным мифом практически исчезает.

Соответствие принципов построения примет в мифологической картине мира становится очевидным в следующем определении: «Народные приметы — это проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни» [7, с. 5]. Мифологическая «гипертрофия каузального инстинкта» (Э. Кассирер), убеждение в том, что мир представляет собой сеть взаимодействий, и любой процесс имеет как обусловленность, так и отклик в дальнейшем, выступает органичным основанием системы примет, в которых частное и внешне отдаленное явление может служить предзнаменованием и даже детерминирующим фактором существенных событий в последующем.

Таким образом, приметы поддерживают и неявно транслируют в мышлении современного человека не только определенный способ осмысления реальности, но и общее представление о ней. В этом представлении реальность организована не объективными закономерностями, а локализованными цепочками причинно-следственных связей, в которых точечное воздействие может оказаться решающим и привести, будучи точно подобранным, в конечном счете к какому угодно результату. Эта картина мира до некоторой степени конкурирует с научным мировоззрением, усиливаясь в периоды ослабления влияния последнего на духовную жизнь общества. Представляется, например, что современное увлечение мотивирующими практиками, продвигающими убеждение, что для человека нет ничего невозможного, легло на почву, постоянно распахиваемую само-

поддерживающимся мифологическим мышлением, в том числе циркуляцией примет в массовом сознании.

Заключение (Conclusion)

Приметы, присутствующие в нашей жизни, необычайно разнообразны. Среди них есть приметы-сигналы о грядущих изменениях, приметы-развилки, маркирующие точки бифуркации в бытии человека, приметы-рецепты, приметы-правила, приметы-запреты и т. д.; по форме это эмпирические наблюдения, слова или действия, которые следует/запрещено произносить или совершать, или комбинации указанных типов. М. С. Киселева, завершая на редкость полный и содержательный обзор актуальных примет, выявленных в полевых исследованиях, констатирует: «Это свидетельствует об устойчивости в картине мира человека XXI в. архаического восприятия судьбы, несмотря на порой пренебрежительное или несерьезное отношение информантов к приметам и суевериям» [11, с. 5]. Люди не верят (или почти не верят) в приметы, но помнят их, говорят о них, делятся этой информацией друг с другом, выполняют соответствующие действия и, таким образом, приметы вновь и вновь воспроизводятся. Предпосылкой для этого, значение которой в современном мире только растет, является глобальная психологическая потребность в увеличении шансов на благополучное осуществление деятельности, особенно в условиях неопределенности. «Там, где нам недостает рациональных средств воздействия на ход событий, мы создаем иррациональные, возможно, иллюзорные, но помогающие нам психологически «инструменты» ... Людям даже в технологическом обществе необходимо немного удачи» [22, с. 355]. В результате вновь и вновь актуализируются и специфические логические схемы, присущие мифологическому мышлению, и это оказывается одним из постоянных элементов поддержки его присутствия в нашем повседневном бытии. Одной из составляющих этого процесса является возникновение примет, связанных с новыми культурными реалиями и формами деятельности, по образу и подобию традиционных примет (например, не стричься и не надевать новую одежду перед ответственным мероприятием принято с древности и в наши дни распространяется на все новые ситуации — так делают студенты перед экзаменом, дальнобойщики перед рейсом, хирурги перед сложной операцией, спортсмены перед раундом плей-офф, и т. д.). Для описания социального механизма адаптации примет к новым социальным условиям, на наш взгляд, точно подойдет предложенный М. А. Розовым в теории социальных эстафет концепт куматоида, т. е. волны — «организации, скользящей по материалу» [23, с. 17]. Принцип волнового движения состоит в том, что от центра к периферии движутся не частицы, а форма движения, которая захватывает все новые частицы; распространяется принцип организации, относительно безразличный к материалу. По М. А. Розову, куматоидами являются многие социальные и технические объекты (например, корабль, у которого постепенно заменяются доски, мачты, обновляется команда, но это тот же корабль, или университет, где студенты, преподаватели, дисциплины, специальности, здания со временем меняются, а вуз остается тем же самым): материал

заменит внутри сохраняющейся формы. Приметы с этой точки зрения представляют собой именно социальные куматоиды — предельно устойчивые формы мышления, накладывающиеся на обновляющийся материал. И, возможно, этот концепт подойдет и для того, чтобы раскрыть движение мифа по современному материалу: это универсальный принцип организации мышления и отношения к миру, который вбирает в себя все стороны социальной и духовной жизни, заставляя их «колебаться», т. е. функционировать, определенным образом.

В составе общей теории мифа, контуры которой, несомненно, начинают вырисовываться, уже обозначена необходимость онтологии, антропологии, аксиологии, мето-

дологии, эпистемологии и других областей знания в ее составе. Вероятно, существует и потребность в развитии также *феноменологии* мифа (феноменологии в гегелевском смысле, как учения о проявлении общего в различных формах и модификациях). Развитие феноменологии мифа, т. е., по существу, предметный анализ различных форм духовной деятельности как имеющих мифологическую природу, содержательная демонстрация этой природы (как мы постарались сделать в данной работе для такого относительно частного явления, как приметы) может внести существенный вклад в углубление понимания обществом всеобщности мифа, реальной его распространенности в бытии современного общества и культуры.

Библиографический список

1. Ball Ph. The Modern Myths: Adventures in the Machinery of the Popular Imagination. Chicago : The University of Chicago Press, 2021. 368 p.
2. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 7. С. 153–164.
3. Головнева Е. В., Мартишина Н. И. Религиозное познание: сущность, специфика, ареал // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 9–15. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-31-9-15
4. Большая книга примет / авт.-сост. Е. Л. Исаева, О. В. Белякова, А. Е. Кузнецова, Ю. М. Спасская. М. : Эксмо, 2007. 512 с.
5. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб. : Литера, 1996. 477 с.
6. Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М. : Советская Россия, 1986. 368 с.
7. Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы. Белгород : Белгор. обл. тип., 2008. 224 с.
8. Завьялова Е. Е. Приметы как фольклорный жанр: Опыт систематизации // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 187–193.
9. Шахнович М. И. Приметы верные и суеверные. Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. Л. : Лениздат, 1984. 190 с.
10. Байдж М. И. История изучения городских суеверий во второй половине XIX — начале XXI в. // Вестн. антропологии, археологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 196–202.
11. Киселева М. С. Особенности отражения народных представлений о судьбе в приметах и суевериях разных социальных групп Владивостока // Научный диалог. 2020. № 9. С. 203–221. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-203-221
12. Щепанская Т. Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб. : Наука, 2010. 367 с.
13. Ставицкий А. В. Эпистемология мифа: тайны мифологического мышления // Мифологос. Сер. «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». 2023. № 2 (6). С. 67–81.
14. Найдыш В. М. Основные закономерности мифотворчества // Миф в истории, политике, культуре : сб. материалов I Междунар. науч. междисциплинар. заоч. конф. / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева. Севастополь : Филиал Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова в Севастополе, 2018. С. 181–187.
15. Найдыш О. В. Смысловая реальность и мифотворчество // Миф в истории, политике, культуре : сб. материалов III Междунар. науч. междисциплинар. конф. / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь : Филиал Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова в Севастополе, 2019. С. 158–161.
16. Даренский В. Ю. Миф как холотропное мышление // Мифологос. Сер. «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». 2022. № 2. С. 43–55.
17. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск : Карелия, 1991. 111 с.
18. Ставицкий А. В. Мифотворчество как способ формирования ценностных смыслов // Миф в истории, политике, культуре : сб. материалов I Междунар. науч. междисциплинар. заоч. конф. / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева. Севастополь : Филиал Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова в Севастополе, 2018. С. 187–191.
19. Шрейбер В. К. До смешного короткий эскиз особенностей мифологического мировоззрения // Миф в истории, политике, культуре : сб. материалов III Междунар. науч. междисциплинар. конф. / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь : Филиал Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова в Севастополе, 2019. С. 216–220.
20. Пивоев В. М. Мифологические истоки времени // Мифологос. Сер. «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». 2022. № 1. С. 127–134.
21. Воронежский И. С., Зинченко Я. Г. Место суеверий в студенческой среде // Электрон. вестн. Рост. соц.-эконом. ин-та. 2016. Вып. 2. С. 16–22.

ФИЛОСОФИЯ

22. Шутова А. П. Приметы и суеверия в информационном обществе // Социальная онтология России : сб. науч. ст. по итогам XV Всерос. Копыловских чтений / под ред. М. В. Ромма, В. И. Игнатъева, В. Г. Новоселова, Л. Б. Сандаковой. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2021. С. 353–355.

23. Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы анализа знания // Теория социальных эстафет: История. Идеи. Перспективы. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1997. С. 9–67.